

**Борис
Штейн**

Интернатская
бамада

**Стихи
и
рассказы**

Борис Самуилович Штейн

Интернатская баллада.

Стихи и рассказы

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4559384

Аннотация

В сборник вошли мастерски написанные рассказы разных лет и стихи, многие из которых стали уже классикой.

Среди них «Интернатская баллада», «Вертолетчик», «Мы большие и мудрые...» и другие

Содержание

Рассказы	4
ШАХМАТЫ И МОТОЦИКЛЫ	4
НАЧАЛО ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ	8
ЖЕНЬКА, Я И КУСИКЬЯНЦ	13
УРОК РИСОВАНИЯ	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Самуилович Штейн

Интернатская баллада.

Стихи и рассказы

Рассказы

ШАХМАТЫ И МОТОЦИКЛЫ

В девятом классе я увлекся шахматами. К ним при учил меня одноклассник Генрих. Нельзя сказать, чтобы Генрих был заядлым шахматистом. Заядлым шахматистом был его отец, который в шахматах почти не разбирался. Во всяком случае, мы с ним по очереди читали учебник для начинающих. Генрих учил нас – своего отца и меня – одновременно. За какой-то месяц он открыл перед нами необъятные возможности королевского гамбита и заразил нас боевым азартом. И когда мы – отец Генриха и я – погружались в паутину шахматных интриг, сам Генрих повязывал, отцовский галстук и удалялся, не выводя нас из благородного оцепенения. До двери Генриха провожала мама, которая в последний момент совала ему в карман кредитку и кропила его дамским одеколоном из флакончика проворно и виновато, как кре-

стоят верующие матери своих неверующих сыновей. Предполагалось, что Генрих идет на свидание.

Генрих был единственным сыном довольно молодых родителей, которые не разрешали ему заниматься мотоспортом. Они хотели, чтобы развитие личности их красивого и талантливого сына шло по пути менее опасному, чем гоночные трассы. Например, им было бы приятно, если бы Генрих встречался с какой-нибудь тихой интеллигентной девочкой, чтобы он водил ее в кино и в оперный театр. И они не возражали бы против того, чтобы иногда она приходила к ним в гости и все бы пили чай и разговаривали об искусстве.

А Генрих был равнодушен к тихим старшеклассникам. В его сердце хрипели и чихали мотоциклы, которые он собирал буквально из хлама в мотокружке Ленинградского Дворца пионеров. И он проявлял истинно шахматную изобретательность для маскировки своей мотоциклетной деятельности. Чтобы притупить родительскую бдительность, Генрих пригласил на день своего рождения мотогощицу Катьку. Он пригласил ее на роль тихой старшеклассницы. Мне было поручено сводить Катьку в Русский музей и натаскать ее по творчеству Куинджи и Сурикова. Но у Катьки были сплошные тренировки, и красоты Куинджи ей пришлось усваивать с моих слов. Кроме этого, мне было поручено обработать Катькины руки. Я долго выдерживал их в растворителе и в мыльной пене, и мне удалось удалить из-под Катькиных ногтей следы механических смазок. На дне рождения Катька ве-

ла себя очень деликатно. Поговорила немного о живописи, и все сошло отлично. Теперь Генриху, уходя из дома, нужно было только надеть отцовский галстук, и он тут же получал деньги на кино, которые были ему просто необходимы на покупку бензина.

И пока Генрих копошился в недрах старой английской машины НСУ, я должен был играть с его отцом в шахматы, время от времени отпуская игривые замечания в адрес «нашего Дон-Жуана». И всякий раз, когда я отпускал такое игривое замечание, глаза родителей Генриха зажигались лукавством и нежностью, и мысли их были так же далеки от мотоциклетных стартов, как мысли мотогощицы Катьки – от красот живописи Куинджи. И я, играя в шахматы, должен был следить, чтобы даже намек на сомнение не проник в эту тихую интеллигентную семью. Вот для чего приспособил меня Генрих. Вот для чего он вывел нас – своего отца и меня – на шахматную позицию.

Если кто-нибудь из вас бывал в конце пятидесятых годов зимой в Ленинграде и смотрел в Центральном парке культуры и отдыха мотогонки на льду, то готов поклясться, что вы вместе со всеми скандировали:

– Лем-берг! Лем-берг!

Потому что Лемберг – это фамилия Генриха и потому что Генрих в гонках на льду был артистом.

Но вся эта милая конспирация не прошла бесследно и для меня. Меня начали непривычно волновать воспоминания о

том, как я отмывал Катькины руки. Но это уже совершенно другая история.

НАЧАЛО ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ

Когда я понял, что окончательно влюбился в Катьку-мотогонщицу, начиналась весна и заканчивалась третья четверть. Я был десятиклассником, и через два месяца меня ожидало одиннадцать экзаменов, поэтому нужно было заниматься и заниматься. А я в такое неподходящее время влюбился в Катьку-мотогонщицу, которую стал звать не Катькой, а Катей, а про себя даже Катенькой. Я влюбился и не знал, что мне делать с этим своим со стоянием. Я, конечно, встречался с Катей, мы ходили в кино и в мой любимый Русский музей. Но я делал все возможное, чтобы скрыть от нее свои чувства, хотя мне ужасно хотелось, чтобы она о них узнала. Вот таким нелогичным было мое поведение, и я от этого страдал. И тогда мой товарищ Генрих сказал мне:

– А ты сходи с ней в ресторан.

Я покраснел от волнения и спросил:

– А зачем?

– Ну как зачем, – сказал Генрих и задумался. – Музыка там, танцы-манцы...

И я поверил.

Я поверил, что в ресторане должно произойти что-то неизвестное мне, но чрезвычайно желательное. Например, я назову Катьку Катенькой и скажу ей, что я ее люблю. И все. И окончательно. И мы стали соображать, как нам финанси-

ровать это предстоящее мероприятие.

– Часы, – сказал я.

– Мало, – сказал Генрих.

У меня были часы, которые мне не разрешали носить в школу, потому что своим громким тиканьем они мешали вести урок. Размером они были с небольшое блюдечко, и, когда я носил их на руке, то прохожие, которые интересовались временем, замечали их даже с противоположной стороны улицы и специально переходили дорогу, чтобы узнать, который час.

Вообще-то не стоит смеяться над своими первыми часами. Часы мои добросовестно делали свою монотонную работу, а подарила мне их моя тетья. Она выиграла эти часы по лотерее в городе Самарканде еще в нэповские времена. При чем уже тогда они считались морально устаревшими.

– Да, – вздохнул я, – много не дадут. Тогда Генрих сказал:

– Велосипед.

У Генриха был велосипед, который древностью происхождения свободно мог потягаться с моими часами. Достоинство его заключалось в том, что он был выкрашен небесно-голубой эмалью, а недостаток – в том, что у него отсутствовало переднее колесо. В восьмом классе Генрих дал велосипед покататься одному отважному человеку и получил его обратно в таком неполном виде. Генрих тогда не особенно переживал. Он увлекался мотоспортом, и некомплектный велосипед висел на гвозде в чулане и ждал своего часа. Те-

перь этот час пробил. Мы разобрали велосипед и продавали его по частям, причем какой-то небритый любитель пива вертелся все время возле нас, подмигивал и говорил театральным шепотом:

– Сбондили машину? Не бойсь, не определяю... Потом он купил у нас заднее колесо и тут же продал его чуть не вдвое дороже.

Так или иначе, мы наторговали необходимую сумму, и я пошел с Катей в ресторан. Катя была старше меня на два года и, по-моему, уже успела побывать в ресторане прежде, потому что держалась уверенно и помогла мне сделать заказ. И я подумал, что она, возможно, бывала в ресторане с каким-нибудь мальчишкой или взрослым мотогонщиком, и у меня нехорошо засосало под ложечкой. Теперь-то я понимаю, что это от ревности, а тогда я думал, что это от голода, и принялся за салат.

– Подожди, – сказала Катя, – сначала полагается выпить.

И мы выпили.

– Это хорошее вино, – сказала Катя.

Я не стал спорить, хотя мне лично больше понравился салат. Если бы было можно, я с удовольствием поменял бы свое вино на вторую порцию салата. Потому что вино было все же горьковатым, а салат – вкусным. Но эти мысли проскочили так, мельком, в силу послевоенной привычки внимательно относиться ко всему, связанному с пищей. Все это, конечно, было второстепенным в тот вечер, а главным было

то, что вот я сижу в ресторане с Катей и могу смотреть на нее во все глаза.

Столик наш стоял у самой эстрады, оркестр играл громко, заглушая наши голоса, поэтому мы ели и помалкивали. Кругом танцевали.

Я представил себе, что вот сейчас Катя будет танцевать со мной, и испытал то чувство, ради которого стоило продавать велосипед. Я испытал предвкушение счастья. И я поднялся со стула.

Катя была невероятно красива.

Она была так красива, что мне стало страшно. Дело в том, что я-то привык видеть Катьку в спортивной или полуспортивной одежде, от нее всегда приятно пахло бензином, и она вечно спешила. А сейчас предо мной сидела неторопливая взрослая девушка в довольно-таки открытом платье, и руки у нее были нежные и с маникюром. Когда Катька успела отрастить ногти для маникюра, было совершенно непонятно. Я не мог выдать из себя приглашение, потому что всякие там «разрешите» и «пойдем потанцуем» выглядели облезлыми и нищими словами рядом с такой великолепной Катей. Тогда неожиданно для самого себя я сказал:

– Можно вас на минуточку?

– Куда? – спросила Катя.

И я, нагледя от смущения, махнул рукой и сказал:

– Так... танцы-манцы...

А Катя – ничего, рассмеялась очень даже по-свойски, и мы

пошли танцевать. Играли вальс. Танцором я был плохим, но старательным. Я так старался, что даже наступил сам себе на ногу, но Катиных туфелек не потревожил ни разу. А у Кати все получалось чрезвычайно ловко и красиво.

Когда заиграли танго, я сказал:

– Катенька.

Катя в ответ покачала головой, давая понять, что мне не следует говорить свои ласковые слова. Тогда я понял, что Катя не со мной. Это было очень неприятное открытие, и редко его делают такие необстрелянные птенцы, каким был тогда я. Но, видимо, чувства мои были обострены в ту минуту, и я интуитивно понял, что Катя не со мной. То есть она танцевала, конечно, со мной, но не для меня. И я подумал, что лучше бы она танцевала с кем-нибудь другим, но для меня. Однако было то, что было. Мне стало грустно, но вида я не подавал, я продолжал танцевать и ужинать и все равно любовался Катей.

ЖЕНЬКА, Я И КУСИКЪЯНЦ

Я был сильнее Женьки, но Женька дрался отчаянно. Он лез, что называется, на рожон, а я отходил и уклонялся, уклонялся и отходил, отвечая иногда короткими сериями. Он уже раскрывался пару раз, и мне ничего не стоило провести мой излюбленный прямой левый в голову. Подбородок Женька все-таки прикрывал, а вот правая скула так и просилась на перчатку.

– Бей! – кричали мне курсанты нашей роты, – бей, чего же ты!

Но я не бил.

Я жалел Женькину скулу, потому что лицо у Женьки было красивым. Сегодня вечером Женьке предстояло свидание с девушкой, и я не мог допустить, чтобы он явился на свидание с лицом, испорченным моей левой.

А девушка?

Что говорить о девушке?

Теоретически это была моя девушка, но она предпочла Женьку, и я ее понимал. Потому что Женька был не только красив, он был еще и поэтом. Это было время, когда наша поэзия начинала с удивлением прислушиваться к своим интимным и доверительным нотам, пробуждавшимся от длительного сна. Мы зачитывались Николаем Доризо и открывали для себя неизвестного тогда Евгения Евтушенко.

И мой товарищ Женька тоже писал стихи. Он писал о нашей курсантской жизни, о нашем военно-морском будущем и о наших идеальных девушках.

Я ношу форму моря,
Для того чтобы горе
Никогда не коснулось,
Родная, тебя...

И я преклонялся перед Женькиным талантом и верил, что Женька станет хорошим поэтом.

А наш тренер, старший лейтенант Кусикьянц, верил, что я стану хорошим боксером.

Но вот Кусикьянц, одетый в судейскую форму, остановил встречу и сделал мне замечание за пассивное ведение боя. Я кивнул головой и пошел на сближение.

Я был сильнее Женьки, но Женьке нужна была победа. То есть мне тоже нужна была победа, но Женьке она нужна была больше. Дело в том, что в Женькином академическом обозе торчала двойка по истории военно-морского искусства, которая по суровым училищным законам отбирала у него право на увольнение в город. И только чемпионы увольнялись независимо от оценок. Вот почему Женьке нужна была победа, и я решил подарить ему ее. Женька владел прямым ударом похуже, чем я, однако его умения хватило, чтобы послать меня в глубокий нокдаун, едва я раскрылся. И когда я провалился в непонятный мрак, наполненный мурашками,

последней мыслью было сожаление, что нет свидетелей моему подвигу, что никто не понял ничего, никогда не поймет, и ведь не расскажешь такое дело.

И все-таки, мне показалось, что тренер Кусикьянц что-то понял, потому что, поднимая правой рукой победоносную Женькину перчатку, пожал левой мое предплечье и улыбнулся понимающе.

А может быть, мне показалось, что понимающе? Не знаю.

Жизнь внесла свои поправки во все наши предположения. Женька не стал хорошим поэтом. Я не стал хорошим боксером. И только старший лейтенант Кусикьянц стал очень хорошим тренером и воспитал замечательного советского чемпиона Валерия Попенченко.

УРОК РИСОВАНИЯ

Учительница поставила на возвышение глобус, и ребята принялись рисовать. И Наташенька тоже принялась рисовать глобус. От старательности она сильно нажимала на карандаш, и карандаш скоро сломался. Тогда Наташенька достала из портфеля точилку и специальную коробочку для карандашного мусора. Поточив карандаш сначала точилкой, она взяла бритвенное лезвие и уже бритвенным лезвием доточила грифель до остроты. Потом она и точилку и лезвие положила на свое место. Она всегда все клала на свое место. После этого Наташенька тихонько вздохнула. Дело в том, что Наташенька не умела рисовать. По всем остальным предметам Наташенька была отличницей, а вот рисовать не умела. Это было очень обидно. Некоторые ребята, например, Вовка Чижик, не были такими усердными и старательными, как Наташенька, и рисовали иногда каким-нибудь огрызком. Им и карандаш-то было лень заточить как следует, а вот получалось у них гораздо лучше. Да что там лучше – просто здорово рисовали иногда некоторые ребята, например, тот же самый Вовка Чижик! По остальным предметам он, конечно, не выделялся. А если выделялся, то в плохую сторону – в сторону троек и иногда двоек. Его даже посадили с Наташенькой за одну парту, чтобы она влияла на него в смысле прилежания и хорошей учебы. И Наташенька с удовольствием влияла, как

могла. Она, например, заставляла Вовку аккуратно оборачивать книжки и тетради и сама приносила ему обертку, когда Вовкина пачкалась. Наташенька серьезно относилась к этому делу, она ко всему относилась серьезно и поэтому хорошо училась. А вот для рисования серьезного отношения было мало. Нужно было еще что-то, чего у Наташеньки, к сожалению, не было.

Едва Наташенька заточила, наконец, как следует карандаш, как прозвенел звонок, и учительница сказала:

– Ну, хорошо, дети, дорисуете дома, а я на следующем уроке проверю.

К следующему уроку все принесли свои рисунки, и Наташенька, конечно, тоже принесла. Надо сказать, что Наташенька была исключительно аккуратной девочкой. Они с мамой специально вставали рано-рано утром, чтобы как следует заплести большие Наташенькины косы. Кружевной воротничок на форменном платъице был у нее всегда только что из-под утюга. И вся она была такой чистенькой, свеженькой и хорошенькой, что ее можно было называть только Наташенькой, а не Наташей или, тем более, Наташкой. И поэтому все – и ребята, и учительница, и – тем более – мама и папа, – называли ее Наташенькой. Вовку Чижика, например, все называли не Вовой и, тем более не Вовочкой, а Вовкой. И даже его папа-моряк, когда писал ему письма, писал «милый Вовка». И все-таки Вовка и Наташенька очень дружили. В жизни часто так бывает: люди совершенно разные, а пожа-

луйста, очень даже дружат между собой. Вовке нравилось, что Наташенька такая чистенькая и аккуратная и так хорошо учится. А Наташеньке нравилось, что Вовка смелый и веселый и так хорошо рисует. Однако если Вовка, например, не выучит урока или не решит примера, Наташенька никогда ему все-таки не подсказывала и не давала списывать. И Вовка не сердился на нее за это, а, наоборот, уважал Наташеньку за принципиальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.